

Метафористика «критики чистого разума»

Александр Еременко, Национальный университет «Одесская юридическая академия»

Виктор Окорокв, Днепровский национальный университет имени Олеся Гончара

Сделана попытка применить метафорический анализ к определенным аспектам творчества И. Канта. Иначе говоря, не можем ли мы взглянуть на трансцендентальное учение немецкого мыслителя, используя тот же подход, который он сам и предложил, или, по крайней мере, использовал в своем творчестве? Метафорическое прочтение трансцендентального учения Канта позволило приоткрыть некоторые закономерности и проследить лингвистические границы его творчества. Мы с большой осторожностью лишь попытались выразить ту мысль, что метафорика Канта – это хорошо продуманная смысловая (семантическая) граница его трансцендентальной логики. Прежде всего нас заинтересовала область, которая обычно ускользает от философского исследования, – военная метафорика «Критики чистого разума». Именно в этой работе, по нашему мнению, метафорический ряд отличается наибольшей репрезентативностью. Нам важно было показать, что трансцендентальный метод Канта и есть фундаментальная метафора, которая стоит над спорящими философами (скептиками, релятивистами и догматиками) и дает возможность дать точные и четкие законы (границы) сумбурно философствующему разуму. В таком подходе обнаруживается рефлексивность кантовского дискурса (вечный спор между логикой дискурса и метафизикой (метафорикой) диалектики). То есть, по существу, мы попытались раскрыть, что трансцендентальная критика разума является лишь очередным метафорическим подходом, который позволяет выйти за пределы классического (догматического и скептического) разума, чтобы найти место новому (более глубокому, в частности, феноменологическому) способу погружения в разум (посредством пробуждения классического сознания от «сна»). Также нам важно было выявить, что метафорический подход приводит к пониманию новых смысловых границ творчества мыслителя, к пониманию того, что Кант оказался не только блестящим логиком, метафизиком и тонким ценителем диалектики, но также и тем мыслителем, который прекрасно чувствовал смысловой ряд формирования понятий и был близок к лингвистической (может быть, еще не семантической) трактовке чистого разума. В конечном счете мы стремимся показать, что использованный Кантом метафорический подход позволил ему взвесить (предвидеть) многие философские события последующей культуры (XX век). В таком контексте Кант выступил не только критиком, но и провидцем многих последующих философских событий.

Ключевые слова: метафора, метафорический подход, трансцендентальный, Кант, классический, мышление, военная метафора

Metaphorics of "critique of pure reason"

Oleksandr Yeremenko, National University "Odessa Law Academy"

Viktor Okorokov, Oles Honchar Dnipro National University

An attempt is made to apply metaphorical analysis to certain aspects of the Kant's work. In other words, can we look at the transcendental teaching of the German thinker using the same method that he himself proposed (or at least used in his work)? A metaphorical reading of Kant's transcendental teaching made it possible to reveal some patterns and trace the linguistic boundaries of his work. With great caution, we only tried to express the idea that Kant's metaphorics is a well-thought-out semantic boundary of its transcendental logic. First of all, we are interested in the field that usually eludes philosophical research – the military metaphor of «Critics of Pure Reason». In our opinion, the metaphorical series is most representative in this work. It was important for us to show that Kant's transcendental method is a fundamental metaphor that stands over arguing philosophers (skeptics, relativists and dogmatists) and makes it possible to give precise and clear laws (boundaries) to a chaotic philosophizing mind. In this approach, the reflexivity of Kantian discourse is revealed (as the eternal debate between the logic of discourse and the metaphysics (metaphorics) of dialectics). That is, in essence, we tried to discover that the transcendental criticism of the mind is just another metaphorical approach that allows us to go beyond the classical (dogmatic and skeptical) mind to find a place for a new (deeper, in particular, phenomenological) the method of immersion in the mind (through the awakening of classical consciousness from "sleep"). It was also important for us to reveal that the metaphorical approach leads to an understanding of the new semantic boundaries of the thinker's creativity, to the understanding that Kant turned out to be not only a outstanding logician, metaphysician and fine connoisseur

of dialectics, but also a thinker who perfectly felt the semantic series of formation concepts and was close to the linguistic interpretation of pure reason. Also we seek to show that the metaphorical approach used by Kant allowed him to weigh (foresee) many of the philosophical events of XX century culture. In this context, Kant was not only a critic, but also a visionary of many modern philosophical events.

Keywords: *metaphor, metaphorical approach, transcendental, Kant, classical, thinking, military metaphor*

Метафористика «критики чистого розуму»

*Олександр Єременко, Національний університет «Одеська юридична академія»,
Віктор Окорочков, Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара*

Зроблена спроба застосувати метафоричний аналіз до певних аспектів творчості І. Канта. Інакше кажучи, чи не можемо ми поглянути на трансцендентальне вчення німецького мислителя, використовуючи той же підхід, який він сам запропонував, або, принаймні, використовував у своїй творчості? Метафоричне прочитання трансцендентального вчення Канта дозволило відкрити деякі закономірності і простежити лінгвістичні межі його творчості. Ми з великою обережністю лише намагались виразити ту думку, що метафорика Канта – це добре продумана смислова (семантична) межа його трансцендентальної логіки. Насамперед нас зацікавила галузь, яка звичайно вислизає від філософського дослідження, – військова метафорика «Критики чистого розуму». Саме в цій роботі, на нашу думку, метафоричний ряд відрізняється найбільшою репрезентативністю. Нам важливо було показати, що трансцендентальний метод Канта і є фундаментальна метафора, яка постає над філософами, що сперечаються (скептиками, релятивістами й догматиками), і дає можливість визначити точні й чіткі закони (межі) розуму, що сумбурно філософствує. У такому підході виявляється рефлексивність кантівського дискурсу (вічна суперечка між логікою дискурсу і метафізикою (метафорикою) діалектики). Тобто, фактично, ми спробували розкрити, що трансцендентальна критика розуму є лише черговим метафоричним підходом, який дозволяє вийти за межі класичного (догматичного або скептичного) розуму, щоб знайти місце новому (більш глибокому, зокрема, феноменологічному) способу занурення у розум (за допомогою пробудження класичної свідомості від «сну»). Також нам важливо було виявити, що метафоричний підхід приводить до розуміння нових смислових меж творчості мислителя, до розуміння того, що Кант виявився не тільки блискучим логіком, метафізиком і тонким цінителем діалектики, але також і тим мислителем, який прекрасно відчував смисловий ряд формування понять і був близьким до лінгвістичного (може бути, ще не семантичного) трактування чистого розуму. У остаточному підсумку ми прагнемо показати, що використаний Кантом метафоричний підхід дозволив йому зважити (передбачити) багато філософських подій подальшої культури (XX століття). У такому контексті Кант виступив не тільки критиком, але і провидцем багатьох наступних філософських подій.

Ключові слова: *метафора, метафоричний підхід, трансцендентальний, Кант, класичний, мислення, військова метафора*

Постановка проблеми.

Иммануил Кант принадлежит, несомненно, к числу наиболее «научных» (соединивших все возможные виды познания) и логичных (системных) философов. Перспектива аналогичного синтеза открывалась лишь перед софистами, которые переформатировали античную мысль. Кант, по сути, столкнулся с теми же проблемами и для их разрешения вынужден был вводить «новую систему смыслов» (метафор), реконструировать старый методологический и категориальный каркасы. Один из важнейших вопросов его «Критики»: «как возможна метафизика?», – приводит к но-

вому (позитивному) смыслу: «как возможны ее определенные разделы и соответствующие им определенные знания в качестве научного знания». Дискурс «Критики» – один из самых рационально-логических в истории философии, и сам «критик» Кант превращается в мыслителя, сумевшего привести в систему метафизические, математические и научно-логические противоречия антропологического познания.

В таком ракурсе хотелось бы обратить внимание на специфику мышления Канта и показать, что способ мышления кенигсбергского гения не свободен от поэтических «вольностей», ибо там, где появляются противоречия логики, проявля-

ются (даже внедряются) метафорические «вольности». Если присмотреться внимательно, мы обнаружим в тексте «Критики чистого разума» ряд сквозных метафор, некоторые из которых повторяются достаточно часто. На наш взгляд, анализ метафорических рядов «Критики» позволяет если не раскрыть, то, по крайней мере, приоткрыть завесу творческой лаборатории Канта.

Речь идет о том тонком механизме мышления И. Канта, благодаря которому в систему метафорических рядов «загоняются» все мыслители, которые могут оказаться противниками трансцендентальной философии. На уровне тонкого юмора, порой, саркастической тонкой усмешки Кант, фактически, сравнивает разные вещи и тем самым формирует слой метафор.

Очевидно, что к такого рода метафорам можно отнести некоторые из его математических, метафизических и естественнонаучных утверждений.

Анализ исследований и публикаций.

Так как проблемы метафористики стали занимать все более значительное место в современной философии после проведения лингвистического поворота в философии и культуры (см., напр., работы [1; 5; 8; 15] и др.), нам бы хотелось обратить внимание на ряд работ современных исследователей, в которых обнаруживаются проблемы формирования теории метафор и общих понятий в творчестве И. Канта (см., напр., работы таких авторов, как М. Фистиок [7], Ж. Рольф [13], Дж. М. Сендерович [14], Д. Кастело [4], П. Фенвес [6] и др., в которых также отмечаются особенности метафорического мышления немецкого мыслителя).

В ряде работ современных авторов делается попытка применить метафорический анализ непосредственно к творчеству И. Канта (см. работы П. Андерсона [1], Ж. Антонио де Алмейда [2], Ж. Брум Тореса [3], Ж. Лорини [9], Д. О. Переса [10], Д. Погги [11], Д. Пурди [12] и др.). Можно в целом отметить, что метафорический анализ творчества такого системного философа, как И. Кант, является философским событием лишь самого последнего времени, то есть периода постметафизического мышления, когда Кант превратился (по меткому замечанию Ю. Хабермаса) в «мастера мысли» и с его творчества сняли индекс «чисто классического мыслителя». Длительное время строгое восприятие «авторитетной» мысли Канта заслоняло живость и метафоричность его ума. По существу, только в постмодерный период, когда Канта «переописали»

(в терминологии Р. Рорти и Ю. Хабермаса) как «мастера мысли», появилась возможность всестороннего критического (в том числе и метафорического) анализа его творчества, следствием чего и явилось достаточно большое количество работ такой направленности.

Изложение основного материала.

Мы сосредоточили внимание лишь на некоторых аспектах метафористики Канта, понимая при этом, что аналогичный метафорический анализ можно применить почти к любой области его учения. Прежде всего нас заинтересовала область, которая обычно ускользает от философского исследования, – военная метафорика «Критики чистого разума». Кажется, именно в этой работе метафорический ряд отличается наибольшей репрезентативностью. Следует уточнить, что «военным» мы назвали этот ряд в широком смысле слова: сюда входят не только метафоры, связанные с войной, но также бойцовско-спортивные и дуэльные метафоры.

Уже в предисловии к первому изданию «Критики» обнаруживаем военную метафору, соединенную с государственно-правовой метафористикой: господство метафизики в эпоху догматиков называется «деспотическим». Как знать, не стоят ли за такого рода метафорами Канта «начала» иронического творчества Л. Шестова, не являются ли они истоками постмодерной культуры и т. п.

Как пишет Кант, архаичное «законодательство» философского мышления вырождается в «анархию» скептиками, которые ведут «внутренние войны», поскольку они являются «своего рода кочевниками», презирающими «постоянное возделывание почвы». Но поскольку эти «кочевники» находятся в меньшинстве, дисциплинированные земледельцы-догматики вновь и вновь принимаются за работу, правда, «без всякого плана» [16, с.10]. В этом фрагменте научное сообщество несколько напоминает архаичное состояние общества у Т. Гоббса. «Без всякого согласованного плана», – важная фраза. Она показывает стремление Канта упорядочить отношения между «кочевниками»-скептиками и «зем-ледельцами»-догматиками. Необходимо своего рода законодательство, которое положит начало общественному договору в научном обществе.

Далее (по тексту) военная метафористика надолго уходит в подтекст «Критики», чтобы уже «проявиться» во втором разделе антиномии чистого разума – «Антитетике чистого разума».

Здесь Кант возвращается к уже указанной выше риторике: когда разум распространяет основоположения рассудка за пределы опыта, то возникают положения, которые хотя и не подтверждаются опытом, но и не могут быть опытом опровергнуты. Могут быть найдены «веские и необходимые основания для обоих противоположных утверждений» [16, с. 337–338].

Мыслители, защищающие подобные положения, уподобляются участникам судебного поединка (здесь военная метафора переходит в юридическую): эти умствующие утверждения открывают, следовательно, диалектическую арену для борьбы, где всякий раз побеждает та сторона, которой позволено начать нападение, а терпит поражение, разумеется, та сторона, которая вынуждена только обороняться [16, с. 338–339] / *Diese Vernünfteln den Behauptungen eröffnen also einen dialektischen Kampfplatz, wo jeder Teil die Oberhand behält, der die Erlaubnis hat, den Angriff zu tun, und derjenige gewiß unterliegt, der bloß verteidigungsweise zu verfahren genötigt ist* [17, p. 568]». Н. Лосский переводит метафору «*dialektischen Kampfplatz*» как «диалектическую арену для борьбы», но в буквальном переводе это звучит как «диалектическое поле боя/битвы», что передаёт более явную и, так сказать, «грубую» военную метафору.

Иногда вместо военной метафоры Кант применяет атлетическую. В разделе «Дисциплина чистого разума в отношении его доказательств» (первой главы трансцендентального учения о методе догматик) он пишет, что тот, кто пытается апагогическим способом доказать какое-либо синтетическое положение, выходящее за пределы опыта, уподобляется борцу, который хочет доказать честь и бесспорные права своих единомышленников тем, что берётся драться со всяким, кто усомнился бы в этих правах, хотя такое хвастовство нисколько не решает вопроса, а лишь показывает относительную силу противников, да и то лишь на той стороне, которая держится задиристо [16, с. 590].

Зрители, наблюдающие за этим состязанием, в конце концов оказываются разочарованными и впадают в скептицизм: ведь победы и поражения противоборствующих атлетов чередуются. И это неудивительно: ведь каждый атлет-догматик опирается на субъективные основания, которые легко опровергнуть. Обнаружив это, обе стороны в конце концов станут ссылаться только на право давности [16, с. 591] (а здесь атлетическая метафора переходит в юридическую). Пресечь

эту бесплодную борьбу можно лишь вынудив противников вести «честное доказательство», то есть перейдя к «трансцендентальной дедукции доводов» [16, с. 590]. Честность мышления – один из основных методологических императивов И. Канта, а также характерная особенность его собственного стиля мышления. Именно честность, подобная честности Декарта, является важным аргументом Канта против досужих спорщиков. Метафорические ссылки из реальной жизни даются Кантом для усиления в нашем мышлении его собственных догадок и идей, которые часто как раз и носят метафорический характер.

Итак, философские дискуссии между догматическими противниками по-добны поединкам бретёров, в которых побеждает тот, кому удастся нанести последний удар. Но это формальная, кажущаяся победа: ведь в следующий раз последний удар может остаться за противником. Кант ставит себя в положение судьи, пытающегося примирить «вооружённых рыцарей». Его трансцендентальный метод – и есть метод примирения. Может быть, сам предмет спора иллюзорен и не стоит сражения? Кант предлагает для примирения сторон скептически-трансцендентальный подход, отличающийся от обычного скептицизма. Этот метод, по Канату, состоит в том, что мы присматриваемся к спору между утверждениями или даже сами вызываем его не для того, чтобы в конце концов решить его в пользу той или другой стороны, а для того, чтобы исследовать, не пустой ли призрак сам предмет спора, мираж, которого тщетно домогается каждый и который ничего ему дать не может, даже если бы он не встречал никакого сопротивления [16, с. 339].

Как знать, может именно такая метафорическая манера понимания истории философии, манера всеобщего взвешивания критикой (то есть понимания, кто же судья, разделяющий мысли, – чувство, рассудок или разум), и привела Канта, в конечном счете, в результате длительного стояния на весах «логики», к появлению трансцендентальной философии (логики) как всеобщего судьи, следящего за сказанными словами и утверждениями. Кант ищет универсальный источник разрешения философских споров и находит его не в силе спорящего (или утверждающего ту или иную концепцию) мыслителя, а в универсальной способности человеческого сознания к критике (к разделению) того, что доступно опыту и что не доступно, где само сознание устанавливает

этот критерий. Фактически, трансцендентальная философия и есть скрытая феноменология. Недаром после Канта, слегка подменив источник критики, появляются концепции феноменологии духа (Гегеля) и феноменологии сознания (Гуссерль), где последним критиком (или судьей) выступают соответственно дух и сознание. Но универсальным источником критики (и научности) у Канта является всеобщая гносеология (познающий источник, фактически, субъект), у Гуссерля – всеобщее сознание (универсальное сознание, конституирующее мир).

В то же время тут снова просматривается Кант-законодатель, обнаруживающий, что затруднения, «которые испытывают судьи в юридических процессах» вызваны неточностями и изъянами «в их законах» [16, с. 339]. Снова видим основную интенцию И. Канта: дать точные и чёткие законы сумбурно философствующему разуму. Кант метафорически выстраивает «весы» правильной (логической) мысли, ищет механизм «золотого сечения», в конструкцию которого осталось только подставить необходимые подпорки, – что есть сами весы и кто же тот судья, которому подвластна трансцендентальная граница?

Далее мы встречаем военную метафору уже в трансцендентальном учении о методе. Нужно сказать, что именно этот раздел «Критики» содержит основную массу военных метафор. Первую из них мы находим в главе о дисциплине чистого разума в разделе «Дисциплина чистого разума в его полемическом применении» (корень слова «полемика» восходит к др.-греч. «πολεμος», то есть – война). Здесь, согласно Канту, мы постоянно находимся в сфере боевых действий: мыслить – значит проводить боевые действия с другой мыслью.

В этом разделе И. Кант возвращается к положению о недопустимости отождествления явлений с ноуменами (вещами в себе), обращая внимание на то, что такое отождествление порождает недоразумение, на котором основывается мнимая антитегика чистого разума [16, с. 554–555]. Вот и один из механизмов метафорического взвешивания – кто же судья того, что является человеку, а что присуще вещи самой по себе. Разве в этом мы не наблюдаем скрытую антропологию? Трансцендентально-метафорические весы лишь показывают, на что человек может надеяться в сфере познания, а что остается закрытым для познания. Однако в сферу такого взвешивания неминуемо попадают высшие

метафизические и религиозные проблемы. Кант постоянно колеблется, как с ними поступить. Он хорошо понимает, что в такой скрытой метафоре, можно потерять и высшие смыслы, растворить того, кто критикует, в системе смыслов.

По сути, в голове Канта проходит весь ход боевых действий последующей философии. В данный момент Кант решает ту же проблему, которую на таких же точно весах взвешивали неопозитивисты. Но у Канта трансцендентальные весы (рычаги и критика, ибо более точную терминологию Кант еще не решает ввести, он еще очень опасается ввести в свои «военные действия» зону лингвистических противоречий; ведь он не именователь, не маг слова, а критик), тогда как у неопозитивистов мерилom выступает принцип верификации, а у Поппера – принцип фальсификации (и оба эти подхода вслед за Кантом также носят метафорический характер, ибо выступают как логические гипотезы). То есть в позитивистских битвах XX столетия явно прослеживаются метафорические весы Канта, осью которых, а, следовательно, и краеугольным камнем, является для нас непонятное, а для Канта очень ясное слово «опыт».

Далее в дискурсе Канта вновь появляется «упорный и нераскаявшийся догматик», который надеется на обретение строгих доказательств бытия Бога и существования загробной жизни (в частности, бессмертия души). Кант настаивает на том, что такие доказательства, равно как и противоположные, невозможны, поскольку они предполагают синтетические суждения «о вещах за пределами всякого возможного опыта», а разум не имеет «права судить таким образом» [16, с. 555–556].

И. Кант, показывая, каким образом трансцендентальному скептику следует относиться к догматику, рисует настоящую «батальную сцену». Мы можем упрекнуть противника в неясности, если же он сделает в отношении нас такой же выпад, мы защитимся «резервом» – «субъективной максимой разума», «которой недостаёт противнику, и под её защитой мы можем спокойно и равнодушно смотреть на все его холостые выстрелы» [16, с. 556]. Трансцендентальный скептик подобен коменданту мощной крепости, которую пытается штурмовать дилетант. Кант, как ясно и логически мыслящий критик, разводит сцены битвы по ясности познания на отдельные арены, где в ходе битвы применяется разный инструментарий антропологического оружия (заметим, что сферу веры немецкий мыслитель

пока оставляет за границами разворачивающейся за «чистоту» познания битвы, так как ее нельзя взвешивать логически). Такая скрытая антропология позволяет Канту искать удачные аргументы в пользу «научности» суждений.

Создаётся впечатление, что иногда И. Кант сам смакует яркие военные метафоры. Пребывание в рамках догматического мышления как бы увековечивает войну-полемику, в ходе которой стороны «вступают в бой, вооружаясь доводами в пользу противоположных утверждений» [16, с. 564]. Неспособные возвыситься над ограниченностью своих позиций, стороны упорно сражаются, оттачивая своё оружие и полемически-тактическое мастерство. Кант указывает на тех, «кто приносит с собой только догматическое оружие для отражения нападков со стороны противника и не умеет развернуть скрытую диалектику, присущую ему не менее чем противнику...» [16, с. 564]. Диалектика подобна скрытым резервам, припрятанным с обеих сторон и вводимым в решающий (как кажется) момент сражения. Кант понимает, что сфера деятельности мышления, практически, безгранична, и, чтобы противопоставить вольному (сво-бодному) мышлению «антропологические границы», он использует мощное оружие всей предшествующей культуры – диалектику, которая уравнивает шансы сторон (ведь поле битвы – всегда граница, по разные стороны которой находятся разные аргументы; вопрос только в том, как их примирить – усилить или ослабить). Кант понимает диалектику по-гречески как борьбу, как критику, которая уравнивает шансы и ставит человеческое мышление на границу взвешивания.

Интересно, что в данном контексте военная метафористика порой приобретает педагогические коннотации. Кенигсбергский мудрец рассуждает здесь о неэффективности интеллектуальной опеки в деле воспитания молодого поколения. Кажется, что для данного момента было бы благотворно «взять ненадолго под опеку разум молодёжи» [16, с. 564]. Но если впоследствии молодым людям попадут в руки сочинения противоборствующей стороны, столь же оснащённые диалектическим оружием, устоят ли молодые люди от искушения «жадными глотками выпить яд, догматически разрушающий» ранее внушённые им «благие» основоположения? [16, с. 564]. То есть, говоря языком военной метафористики, не станут ли молодые догматики перебежчиками, узрев красоту мундиров и блеск оружия в стане врага? Следовательно, необходимо

вооружить юношу оружием критики, которая покажет ему не только мнимость доводов противоборствующих сторон, но и мнимость того, за что они сражаются. Отсюда Кант выводит обоснование необходимости «основательного обучения критике чистого разума» [16, с. 564]. Трансцендентальному «оружию» необходимо обучить, иначе блеск добра Сократа, «идей» Платона и категорий Аристотеля закрывает все остальное поле (пространство, топос) мышления, и мудрость оборачивается односторонностью взгляда, уверенностью в своем пути, оборачивается метафорической близорукостью своей логики. Ширма, которую навесили на европейское мышление Платон и Аристотель, начинает приоткрываться лишь в XX в. А кто же укажет молодежи на сущность противоречий? Кант уверен, что его «критический» подход позволяет вовремя заметить «ширму» и расшифровать ее коды, свести к простым элементам логики и опыта, показать место метафизики и религии в этом освещенном трансцендентальным светом пространстве.

Кант указывает, что «единственной ареной борьбы» для догматика могла бы быть чистая теология и чистая психология, но эта почва не удерживает ни одного ратника в полной амуниции и с оружием, которого следовало бы бояться [16, с. 556]. («Auf solche Weise gibt es eigentlich gar keine Antithetik der reinen Vernunft. Denn der einzige Kampfplatz für sie würde auf dem Felde der reinen Theologie und Psychologie zu suchen sein; dieser Boden aber trägt keinen Kämpfer in seiner ganzen Rüstung und mit Waffen, die zu fürchten wären») [17, s. 940]. Опять «военная метафора». Кстати, «Rüstung», которое Лосский переводит как «амуниция», в более точном переводе означает «экипировка» и даже «доспехи». Далее Кант продолжает метафору: он (догматик) может выступать только с насмешками и хвастовством, которые можно осмеять как детскую забаву. Это утешительное наблюдение вновь даёт мужество разуму; иначе на что же он мог бы полагаться, если бы, призванный один устранять все заблуждения, он сам в себе был раздвоен, не имея надежды на мир и спокойное обладание [истиной]?» [16, с. 556]. Кант спокойно выстраивает границы разуму, помещая его в пространство собственного бытия. Догматика – сфера усилий чистого разума, оторванного от опыта.

Перед нами разворачивается как бы «подлинная», эзотерическая история чистого разума (а на самом деле метафорическая, или метафизическая, недаром постмодернисты приравняли

метафизическое и метафорическое и попытались устранить метафизику как чистую метафору (идею) классического мышления). Древние кочевники-скептики с переменным успехом были отбиты оседлыми земледельцами-догматиками. Но между догматиками начались споры и стычки за земельные (то есть опытные) наделы. В этих стычках нападающая сторона всегда имела преимущество. Но вот является трансцендентальный философ и воздвигает на землях догматиков хорошо укрепленный замок, возвышающийся на твердом (прочном) основании опытных данных (против которого догматики не находят аргументов, так как нельзя сражаться с трансцендентальной логикой, поделившей владения догматиков посредством привязки к опыту). Теперь все догматики обращаются против него. Но трансцендентальный критик легко отбивает их неумелые атаки. Со спокойным мужеством взирает разум с бастионов трансцендентальной критики на детскую забаву неприятеля. Зачем же он пришёл в их земли? С какой целью воздвигнул критическую твердыню? Для того чтобы, во-первых, показать догматикам тщету их борьбы, а во-вторых, дать (принести) закон, регулирующий конфликты в научном и ненаучном сообществах. Возможно, что конечной целью критика-законодателя является приведение научного сообщества к состоянию «вечного мира», к идее, приводящей всякую науку к «золотому сечению» (однако, уничтожающей творчество), ведь там, где процветает равенство и граница, там творчество прижимается к границе и исчезает, вот и вся метафора.

Но если те земельные участки, за которые воюют догматики, оказываются «иллюзией» и «миражом», так что же есть истинная ценность научного сообщества? Кант везде ищет прочные разумно-гносеологические (логические) основания всего мироздания. Как примирить догматиков, прочно захвативших и строго разделивших все куски разумного пространства, как примирить метафизику, веру и науку? Возможно ли это, или мы должны отказаться от разумного (трансцендентального) взвешивания. Вот проблема, которая постоянно тревожила Канта несмотря на все критики. Первоначально Кант был уверен, что нашел решение в рамках трансцендентального передела (раздела) пространства мышления. Однако постепенно он понимает, что утратил что-то важное в самом человеке (ведь нельзя только усилием трансцендентальной воли или критики отменить усилия веры, усилия

математиков и логиков всей предшествующей культуры).

Кант, безусловно, чистый логик. Он строит замок, все составные части которого (прежде всего, человек) должны руководствоваться законом «по-сю-сторонности» (все научное должно находиться по сю сторону опыта, ведь только по эту сторону работают причинно-следственные связи и, следовательно, жесткая логика). Согласно Канту (периода «Критики чистого разума»), только чувство, рассудок и разум являются полем игры бытия человека. Все остальное – лишь мираж и иллюзии. Ведь больше ни в какой области существования человека невозможно построить логику.

Постепенно Кант начинает понимать, что нужно ограничить разум, чтобы оставить место вере. Нельзя отменить антропологию. И тогда естественен вопрос: возможна ли религия в пределах только разума? Насколько уютно Кант чувствовал себя в области логики, настолько проблемной является для него антропология. С антропологией Кант не справился. Удивительно, но как раз здесь перестает работать метафорический подход. Или ты веришь, или ищешь метафоры (и трансцендентальные границы). А впрочем, есть еще и трансцендентные границы, но метафоры в трансцендентном пространстве куда-то испаряются. Хотя, казалось бы, именно здесь и открывается поле возможностей метафорического мышления. Но что-то в этом топосе сдерживает и останавливает его. В религии присутствует какая-то внутренняя строгость, которая останавливает метафорический разум. Здесь (в области религии) метафорическое слово Канта становится бессильным. Откуда берется эта непонятная строгость? Ведь не вводит же в самое дело еще критику религиозного разума.

Разум (в чистом виде) выступает в трансцендентальном идеализме И. Канта в качестве одновременно и арбитражного судьи, и полновластного суверена. И этот идеализм немецкий мыслитель нарушать не хочет. Ведь что же может быть выше разума? Он не приемлет попытки воспрепятствовать взвешенному скептицизму разума (в лице Юма и Пристли), отказывающегося вступать на путь бездоказательной спекуляции. Здесь Кант находит политическую метафору, переходящую в военную. В попытке пресечь свободомыслие скептиков Кант уподобляет демагогические обвинения в «государственной измене» к апелляции к мнению простых людей, ничего не понимающих в столь тонких вопросах [16, с. 558], как критика чистого разума. Кант

даёт следующий совет трансцендентальному критику: вместо того, чтобы размахивать мечом, лучше спокойно присматривайтесь из безопасного убежища критики к этому спору, который для борющихся утомителен, а вас развлекает и при несомненно бескровном исходе должен быть полезным для ваших взглядов. Было бы ведь нелепо ожидать от разума разъяснений и в то же время заведомо предписывать ему, на какую сторону он непременно должен стать. К тому же разум уже са-мопроизвольно до такой степени укрощается и удерживается в границах самим же разумом, что вам нет нужды призывать стражу, чтобы противопоставить общественную силу той стороне, перевес которой кажется вам опасным. В этой диалектике не бывает побед, которые давали бы вам повод беспокоиться [16, с. 559]. Столь тонкое дело как критика чистого разума Кант доверяет только себе и своим последователям. Знал бы он, к сколь различным вариантам (и направлениям) приведет его «находка» границ трансцендентального разума. Ведь каждый понял эти границы по своему – кто диалектически, кто метафизически, а кто и антропологически. Словом, Кант сделал свое дело и подвел самую глубокую критику под мощный фундамент классического мышления – и обнаружил его границы. Разум, обнаруживший себя в границах, стал сопротивляться и разрушил фундамент столь стройного метафорического (метафизического) классического мышления. Кант нашел веские аргументы в его защиту против скептиков и догматиков и подписал ему приговор. Ибо обнаружив все-сильный (трансцендентальный) закон для всякого мышления, немецкий идеалист подписал приговор всему классическому мышлению. Кант осуществил ту же самую процедуру (вывел сумму возможных разумов), какую Ф. Аквинский эпохой раньше применил к теологическому мышлению. Последовательно два типа метафорического мышления – Аквината и Канта – подписали приговор двум эпохам мышления – теологической и метафизической.

Мирный кенигсбергский обыватель, прохаживающийся в одно и то же время по липовой аллее... Кто бы мог подумать, как далеко зайдет его критика, что в его сознании бушуют страсти по догматизму и скептицизму? Что он не только невозмутимо спокоен в треволнениях бытия, но в глубине души он ещё и насмешник, которого забавляют бесплодные усилия любви к догматическим спекуляциям.

В метафорическом дискурсе Канта намечается тема мнимой злокозненности чистого разума. С точки зрения догматического разума чистый разум выглядит «злорадным и коварным». Соблюдая «нейтральность» («нейтралитет») в догматическом конфликте, чистый разум «доставляет оружие обеим его сторонам и затем спокойно и с насмешкой наблюдает их разгорячённую борьбу» [16, с. 565]. Чистый разум – это холодное оружие чистой трансцендентальной (диалектико-антропологической) логики. Кант – «мастер мысли», «мастер» диалектического проведения границы, мастер демаркации границ чистого мышления, но, удивительно, по сути, в этом мастерстве нет места самому человеку. Кант – «мастер», феноменолог, разграничивающий человеческое (опытное) и чистое (метафизико-математическое) познание. В конечном счете его интересует (феноменологический) опыт чистого мышления. Он – феноменолог, очерчивающий границы возможностей чистого сознания. Причем – первый неклассический феноменолог. Опыт трансцендентальной работы с вещами самими по себе разбудил в нем того, кто исследует явленность вещей человеческому сознанию. Так что трансцендентальная философия – это одна из первых попыток феноменологии опыта.

Естественно, возникает вопрос, насколько чистый разум может судить или сказать в свое оправдание как судьи того, что встречается в виде феноменов (а ничего другого разум встретить не может). Ведь, в конечном счете, тема строгости (или достоверности) чистого сознания – это основная проблема любой феноменологии.

Может ли в таком случае чистый разум сказать что-либо в своё оправдание? Несомненно. Его «торговля оружием» призвана пресечь «ослепление и высокомерие» противоборствующих сторон, сбить их «хвастовство». Критический разум замечает, что хвастливому догматику, не желающему считаться «ни с какой критикой», можно противопоставить лишь такого же догматика – только тогда самоуверенный хвастун будет приведён в «замешательство» и «в некоторое сомнение насчёт его притязаний» [16, с. 565]. Опять метафора борьбы. Но мы уже видим, там, где у Канта нет других аргументов, он прибегает к метафорам (или трансцендентальной диалектике). Повторимся, там, где Кант лишен возможности аргументации (в частности, в споре о последнем судье разума), он прибегает к метафорам, либо военным, либо судебным.

Здесь Кант явно и недвусмысленно описы-

вает критический метод в тер-минах судебного права: «Критику чистого разума можно рассматривать как настоящее судилище для всех его споров; действительно, в эти споры, непосредственно касающиеся объектов, она не вмешивается, а предназначена для того, чтобы определить права разума вообще и судить о них по основоположениям его первой инстанции» [16, с. 562].

Но трансцендентальная критика – не просто «судилище». Это, своего рода, высший апелляционный суд, возможно, международный трибунал. «Без критики разум находится как бы в естественном состоянии и может отстаивать свои утверждения и претензии или обеспечить их не иначе как посредством войны. Наоборот, критика, заимствуя все решения из основных правил его собственного установления, авторитет которого не может быть подвергнут сомнению, создаёт нам спокойствие правового состояния, при котором надлежит вести наши споры не иначе как в виде процесса. В естественном состоянии конец спору кладёт победа, которой хвалятся обе стороны и за которой большей частью следует лишь непрочный мир, устанавливаемый вмешавшимся в дело начальством; в правовом же состоянии дело кончается приговором, который, проникая здесь в самый источник споров, должен обеспечить вечный мир. Сами бесконечные споры чисто догматического разума побуждают в конце концов искать спокойствия в какой-нибудь критике этого разума и в законодательстве, основывающемся на ней» [16, с. 562]. Итак, мы видим, что разум только тогда выступает как последний судья, когда он считает себя всевышним, последней инстанцией, то есть выступает как последняя юридическая инстанция. Кант как бы говорит, хотите закон познания, тогда вы не должны посягать на права чистого разума. Иначе всякая логика познания разрушается, и вместо высшего судьи, мы можем наблюдать локальные войны частных догматических или скептических разумов.

Поэтому в «Критике...» далее идёт прямая отсылка к Гоббсу, у которого беспрекословное подчинение силе закона выводит род человеческий из естественного состояния войны всех против всех.

Именно критика призвана пресечь догматические войны и привести враждующих к «спокойствию правового состояния». Судебный процесс (высшего чистого разума) должен заменить всяческие дуэли и боевые столкновения; приго-

вор безусловно уважаемой инстанции отменяет сомнительные, непрочные и хвастливые военные (метафорические) победы догматиков или скептиков. В конце концов добропорядочный обыватель, смиренно возделывающий философскую ниву, устаёт от «бесконечных споров догматического разума». Он «ищет спокойствия», он жаждет «вечного мира». Классический разум (в лице Канта) нашел мирового судью, которому, безусловно, можно доверять. Ведь что может быть выше чистого разума, перед которым склонились Декарт и Спиноза (которые в вопросах высшего разумения отсылали туда, где сумма углов прямоугольного треугольника равна 180 градусам), за которым стоят идеи (Платона), категории и закон (высшая логика) Аристотеля.

Кто же олицетворяет собой ту высшую инстанцию, приговору которой должны подчиниться и обыватели, и мятежные феодалы-догматики? Это, по Канту, общечеловеческий разум (как не вспомнить всеприродный «логос» греков), который, будучи очищен от догматических иллюзий, предрассудков и паралогизмов, раскрывается перед нами как трансцендентальный критический суверенный разум. Свобода мышления, в том числе критического мышления, есть неотъемлемое право этого разума. «Эта свобода вытекает уже из коренных прав человеческого разума, не признающего никакого судьи, кроме самого общечеловеческого разума, в котором всякий имеет голос; и так как от этого разума зависит всякое улучшение, какое возможно в нашем состоянии, то это право священо и никто не смеет ограничивать его» [16, с. 562–563]. Тут мы должны вспомнить, что свобода разума и есть та последняя инстанция, которая не давала возможность провести ни одной сколько-нибудь существенной юридической операции по очистке сознания в Новое время. Кант, в конечном счете, так же не преодолел этот рубеж. Ведь непонятно, в какой мере трансцендентальный чистый разум может быть свободен в своих действиях. Категорический императив Канта – лишь один из вариантов ограничения всеобщей свободы разума.

Такой подход к разуму выглядит благородно и возвышенно, это один из самых вдохновенных гимнов человеческому разуму. А юридические тонкости, скрывающиеся за этим гимном разуму, мы попытались отразить.

Последовательно осуществляемая ирония по отношению к воинственно-хвастливым догматикам, как это ни странно, переводит военную метафористику в мистическую. «Таким обра-

зом, в сфере чистого разума не бывает настоящей полемики. Обе стороны толкут воду в ступе и дерутся со своими тенями, так как они выходят за пределы природы, туда, где для их догматических уловок нет ничего, что можно было бы схватить и удержать. Они могут бороться сколько угодно; тени, разрушаемые ими, мгновенно срastaются вновь, как герои в Валгалле, чтобы опять развлекаться бескровными битвами» [16, с. 565]. «So gibt es demnach keine eigentliche Polemik im Felde der reinen Vernunft. Beide Teile sind Luftfechter, die sich mit ihrem Schatten herumbalgen, denn sie gehen über die Natur hinaus, wo für ihre dogmatischen Griffe nichts vorhanden ist, was sich fassen und halten ließe. Sie haben gut kämpfen; die Schatten, die sie zerhauen, wachsen wie die Helden in Walhalla in einem Augenblicke wiederum zusammen, um sich aufs neue in unblutigen Kämpfen belustigen zu können» [17, s. 954]. Перевод Лосским «Luftfechter» как «толочь воду в ступе» вызывает, мягко говоря, недоумение. В буквальном переводе «Luftfechter» означает «воздушный фехтовальщик», что даёт весьма яркую и выразительную военную метафору, которая исчезает при переводе в виде фразеологизма «толочь воду в ступе».

Впрочем, мистицизм здесь кажущийся, он окрашен в иронические тона. И. Кант, несомненно, не верит в Валгаллу. Он как бы вразумляет догматических бретёров: приглядитесь внимательнее – вы сражаетесь за призрачные цели, более того, – сражаетесь с призраками (типа ветряных мельниц Дон Кихота). Все эти метафизические войны оказываются как бы образами «догматического сна», от которого сам Кант пробудился и теперь призывает пробудиться коллег. Поистине, «сон разума рождает чудовищ». Трансцендентальная критика «может быть только средством пробуждения разума от его сладкого догматического сна, дабы подвергнуть его состояние более тщательному исследованию» [16, с. 566]. Трансцендентальная критика разума является лишь очередной метафорикой, которая выводит за пределы классического разума, чтобы найти место новому (более глубокому, в частности, феноменологическому) способу погружения в разум (средством пробуждения классического сознания от «сна»).

Следует отметить, что критический разум ведёт борьбу, так сказать, «на два фронта»: против агрессивной самонадеянности догматиков и против своего рода интеллектуального нигилизма скептиков. Вероятно, мы должны отметить и

тот факт, что все основные идеи трансцендентального пробуждения сознания были подготовлены до Канта его предшественниками (смотри, например, исследования по этому поводу С. Секунданта). Кант же ссылается в этом смысле только на двух мыслителей (Юма и Руссо).

Критическое отношение к Юму является примером метафорической работы самого Канта, в которой немецкий мыслитель выстраивает границы не только догматического, но, видимо, и метафорического (понимай, метафизического) мышления. Высоко оценивая философию Юма, Кант называет его «самым пронизательным из всех скептиков» [16, с. 570]. Но немецкий мыслитель понимает, что скептицизм Юма чрезмерен: он не приемлет возможности априорных синтетических суждений, отвергает «все предполагаемые априорные принципы» суждений, что приводит его к ошибочному отрицанию закона причинности [16, с. 570–571]. Чрезмерность юмовского скептицизма «губит всякий скептицизм, а именно его взгляды сами подвергаются сомнению» [16, с. 572]. Это происходит потому, что Юм «только суживает наш рассудок, не определяя его границ» [16, с. 572]. Этот упрек чрезвычайно характерен для Канта: в нём проявляется основная, на наш взгляд, особенность его интеллектуального стиля – проведение границ. Поскольку Д. Юм не делает различия «между обоснованными требованиями рассудка и диалектическими притязаниями разума», то это пробуждает воинственность догматического разума, «характерные порывы которого ничуть не были при этом нарушены, а только встретили препятствие»; он чувствует, «что путь для его расширения не закрыт» [16, с. 572–573]. Итак, неумелая критика не только не умиряет догматический разум, но, наоборот, пробуждает его воинственность: «Ведь для защиты против нападений вновь вооружаются и ещё упрямее подымают голову, чтобы добиться выполнения своих требований. Наоборот, полная оценка всех наших способностей и возникающее отсюда убеждение в достоверности ограниченного владения и тщетности более высоких притязаний прекращают всякий спор и побуждают мирно довольствоваться хотя и ограниченным, но бесспорным достоянием» [16, с. 573]. Только трансцендентальный разум, по мнению Канта, может выступать третейским судьей в любых спорах частного разума (догматиков), потому что он устанавливает высший закон для разума – трансцендентальный, то есть устанавливает априорные границы деятельности

разума. В этом подходе Кант надеется на высшую ясность и достоверность, которую вносит трансцендентальный разум, ведь он демаркирует аналитические и синтетические, индуктивные и дедуктивные суждения, – проводит то высшее действие, на которое не отваживалось ни-какое классическое мышление, подчиненное законам формальной (высшей) логики. Кант ищет границу высшей логики и догматических (а также скептических) умозаключений философов.

В приведенном суждении Канта мы вновь видим переход от военной метафористики к правовой: критика разума есть как бы защита территории, причём территории, на которую есть бесспорные права, а «диалектические притязания» есть как бы необоснованная экспансия разума, его захватнические войны. Кант отвечает догматикам: «не захватывайте чужого достояния!», и скептикам: «не отрицайте бесспорные права разума на его ограниченное владение».

Наибольшей яркости и детализированности военная метафористика Канта достигает в третьем разделе 1-й главы трансцендентального учения о методе – «Дисциплина чистого разума в отношении гипотез». Здесь же – одно из наиболее сильных проявлений рефлексивности мышления И. Канта. Он утверждает, что критическому разуму следует вести лишь оборонительные, а не наступательные войны. «Действительно, он вправе, как бы в целях необходимой самообороны, применять для защиты своего доброго дела те же средства, что и противник, а именно прибегать к гипотезам...» [16, с. 579]. Дело чистого разума правое, победа будет за ним. Конечная правота оправдывает своего рода военные хитрости и уловки в борьбе с неприятелем. «Следовательно, в сфере чистого разума гипотезы допустимы только как военное оружие не для того, чтобы обосновать на них своё право, а только для того, чтобы защищать его» [16, с. 579]. Допустимо даже «снабжать противника оружием», впрочем, так сказать, не слишком летальным. «В полное ваше вооружение входят, следовательно, также и гипотезы чистого разума; они, правда, только свинцовое оружие (так как никакой закон опыта не придаёт ему свойства стали). Но обладают они такой же силой, как и всякое оружие, которое может использовать против вас ваш противник» [16, с. 580]. Опять мы наблюдаем картину «военных» хитростей стратега (то есть разума).

Далее И. Кант живописует сцену воображаемого спора между мыслителем, отрицающим

бессмертие души и существование каких бы то ни было «духовных существ», и сторонником трансцендентальной гипотезы об «умопостигаемой» духовной жизни [16, с. 580–581]. Это напоминает наставления в стратегии и тактике типа: если неприятель предпримет то-то, вы поступите так-то, но при этом избегайте того-то.

Что же является основанием столь смелой и даже рискованной игры чистого разума с догматическим неприятелем? Невозможность достоверности в сфере спекулятивного мышления. «Но все синтетические положения чистого разума имеют ту особенность, что, хотя те, кто считает реальными некоторые идеи, никогда не обладают таким знанием, чтобы установить достоверность этого положения, в такой же мере, с другой стороны, и противник его не в состоянии обосновать противоположное утверждение. Это равенство участи человеческого разума не благоприятствует в спекулятивном знании ни одной из сторон, и поэтому здесь находится настоящая арена нескончаемых споров» [16, с. 578]. «Kampfplatz nimmer beizulegender Fehden» предстаёт в переводе Лосского в качестве «арены нескончаемых споров», но возможен вариант «арена нескончаемой вражды». Мы видим, что нередко более яркие и насыщенные военным смыслом метафоры кантовского языка при «облагороженном» переводе теряют «милитаристские» коннотации и превращаются в поле битвы его научного, математического и метафизического разума (мышления). Фактически, у И. Канта не «амуниция», а «доспехи», не «арена борьбы», а «поле боя», не «арена споров», а «арена вражды».

В таком подходе обнаруживается рефлексивность кантовского дискурса (вечный спор между логикой дискурса и метафизикой (метафорической) диалектики). Честность и пристальность его взгляда, направленного на строение чистого разума, впечатляет. Мы отчетливо слышим, что «необходимо истребить самый источник споров, заложенный в природе человеческого разума...» [16, с. 579]. Здесь снова слышится голос Канта-мировотворца. Но как истребить этот источник? И где именно он находится? Ответ кенигсбергского мудреца поразителен: «Но противника мы должны здесь всегда искать в самих себе, так как спекулятивный разум в своём трансцендентальном применении сам по себе диалектичен. Возражения, которые могли бы вызвать опасения, заложены в нас самих» [16, с. 579]. Кант в таком смысле выступает, как фундаментальный

(универсальный) человек, в сознании которого сталкиваются философы и мыслители разного толка (тут и вырисовывается логическая (или метафорическая) граница, за которую нельзя переступать чистому разуму, если он хочет быть логичным и научным).

Призраки Валгаллы гнездятся в самой сердцевине чистого разума. Мы отмечаем уже черты размеченного Кантом разума: воинственен и экспансивен не только спекулятивный разум, воинственность скрывается и в глубинах трансцендентального разума.

«С кем протекли его боренья?

С самим собой, с самим собой».

(Б. Пастернак).

И поскольку Кант уже отчетливо видит границы чувственного, логического и метафизического познания (которые не видели ни эмпирическое, ни сенсуалистическое, ни рациональное мышление предшественников), он наметает переход от чистого к рассудочному и затем практическому разуму. «Практическому интересу нет никакого дела» до полёта мысли чистой спекуляции [16, с. 578-579]. «Итак, в сфере практики у разума есть владения, законность которых он не должен, да и не мог бы доказывать» [16, с. 579]. Практика – настоящее, незыблемое и неоспоримое поле владения разумом. Именно в практике, в действии, происходящем в настоящем, сталкиваются все виды познания. И там, где эту операцию столкновения осуществить не удастся, появляются метафоры (подмены, замены), закрывающие глубины незнания, а точнее, очерчивающие границы незнания. Кант хорошо владел этим искусством, а кое-где указывал, что этому искусству он научился у Д. Юма и Ж.-Ж. Руссо.

Выводы.

Фактически, мы рассмотрели только «военные» метафоры Канта и, частично, судебные, связанные с «военными». Однако точно в таком же смысле можно обнаружить политические и даже эротические метафоры, которые также указывают на особенности метафоричности его письма.

В конечном счете не ищем ли и мы лишь определенную (метафорическую, смысловую) границу творчества Канта и не является ли в таком случае наше исследование очередной метафористикой по отношению к учению Канта? Очевидно, что мы также имеем право использовать тот подход, который он сам предложил, и взглянуть на трансцендентальное учение немецкого мыслителя с этих позиций? Мы лишь стремились

показать, что этот метафорически-смысловой подход, который прослеживается в его творчестве, приводит нас к пониманию новых смысловых границ его творчества, к пониманию того, что Кант оказался не только блестящим логиком, метафизиком и тонким ценителем диалектики, но он прекрасно чувствовал и смысловое (логическое, метафизическое и научное) напряжение понятий, то есть был близок к лингвистической (может быть еще не семантической) трактовке чистого разума. Однако в этом месте перед ним выросла такая «гора» метафор, что он не рискнул нарушить спокойствие чистого (логического и математического) разума. Понимание тех границ, которые потребовало бы лингвистическое (языковое) и семантическое осмысление чистого разума, пришло гораздо позже (в конце XIX в.), и лингвистический поворот философии XX в. лишь воплотил те идеи, которые Кант осуществлял в своей метафорике. Но немецкий философ не рискнул перейти семантические границы разума, и в этом месте во всем его творчестве просматривается зона умолчания, за что его и критиковали в дальнейшем философы (К. Л. Рейнгольд, например, прямо говорил о необходимости дополнения «Критики чистого разума» критикой языка). Гносеологическое величие Канта заслонило «языковые» проблемы его творчества и закрыло лингвистический горизонт философии почти на сто лет.

Разве не можем мы взглянуть на трансцендентальное учение немецкого мыслителя, используя тот же подход, который он сам и предложил, или, по крайней мере, который прослеживается в его творчестве? Метафорическое прочтение трансцендентального учения Канта позволяет приоткрыть некоторые закономерности и проследить лингвистические границы его творчества. Мы же с большой осторожностью лишь пытаемся выразить ту мысль, что метафорика Канта – это хорошо продуманная смысловая (семантическая) граница его трансцендентальной логики. Не исключено, что эта метафорика более отчетливо прослеживается не в его «Критиках» (вполне логически выверенных и избегающих логико-понятийных противоречий), а в материалах к «Критикам», где его мысль менее скована и более свободна. Видимо, пришло время исследовать метафорические и семантические границы творчества Канта и сформировать топологический и метафорический каркас его трансцендентального мышления, чтобы открыть перспективы деструктивной, деконструктивной и в целом

семантической (знаково-смысловой) критики «чистого разума» (элементы такой критики просматриваются в творчестве, Гуссерля, Деррида, Делеза, Бодриера и др.). Однако универсальная граница трансцендентального разума (по типу витгенштейнианской конструкции фактического разума) еще не исследована. Одной из граней критики трансцендентального разума является

семантический разум. Отсюда начинается критика Б. Рассела, Дж. Мура, Л. Витгенштейна и др. Другая грань – критика самой границы опыта – отсюда различные принципы (верификации, фальсификации и др.). Третья грань выводит нас на уровень прагматического разума. Мы же предложили свой вариант этой критики Канта – поиск границ его метафорического разума.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ

1. Anderson P. Metaphors of Spatial Location: Understanding Post-Kantian Space. *Contemporary Kantian Metaphysics. New Essays on Space and Time* / ed. by R. Baiasu, G. Bird, A. Moore. New York, 2012. P. 169–196.
2. Antonio de Almeida G. Kant and the Cognitive Function of Imagination. *Kant and the Metaphors of Reason* / ed. by P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra. Hildesheim : Georg Olms Verlag, 2015. P. 11–26.
3. Brum Torres J. C. «Stem» and «Source» as Metaphors of The Transcendental Doctrine of Elements. *Kant and the Metaphors of Reason* / ed. by P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra. Hildesheim : Georg Olms Verlag, 2015. P. 41–58.
4. Costello D. Danto and Kant, Together at Last? *New Waves in Aesthetics* / ed. by K. Stocks, K. Thomcon-Jones. London : Designs and Patents Act, 2008. P. 244–266.
5. Cazeaux C. Metaphor and Continental Philosophy. From Kant to Derrida. – New York : Routledge, 2007. 219 p.
6. Fenves P. D. Raising the Tone of Philosophy: Late Essays by Immanuel Kant, Transformative Critique by Jacques Derrida. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1993. 176 p.
7. Fisticoc M. The Beautiful Shape of the Good: Platonic and Pythagorean Themes in Kant's Critique of the Power of Judgment. New York; London : Routledge, 2002. 160 p.
8. Johnson M. Philosophical Perspectives on Metaphor. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1981. 370 p.
9. Lorini G. Kant's Metaphor by Analogy between Ontology and Transcendental Philosophy. *Kant and the Metaphors of Reason* / ed. by P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra. Hildesheim : Georg Olms Verlag, 2015. P. 71–86.
10. Perez D. O. The Possibility of an Anthropological Study of Human Nature in Kant. *Kant and the Metaphors of Reason* / ed. by P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra. Hildesheim : Georg Olms Verlag, 2015. P. 445–454.
11. Poggi D. Standing in front of the Ocean: Kant and the Danger of Knowledge. *Kant and the Metaphors of Reason* / ed. by P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra. Hildesheim : Georg Olms Verlag, 2015. P. 87–106.
12. Purdy D. L. On the Ruins of Babel: Architectural Metaphor in German Thought. Ithaca, New York : Cornell University Press, 2011. 316 p.
13. Rolf G. The Lives of Kant. *Philosophy and Phenomenological Research*. 1987. Vol. 47. P. 485–500.
14. Senderowicz Y. M. The Coherence of Kant's Transcendental Idealism. Dordrecht : Springer, 2005. 296 p.
15. Trivedi S. Metaphors and Musical Expressiveness. *New Waves in Aesthetics* / ed. by K. Stocks, K. Thomcon-Jones. London : Designs and Patents Act, 2008. P. 41–57.
16. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. Критика чистого разума. Москва : Эксмо, 2006. 736 с.
17. Kant I. Kritik der reinen Vernunft / I. Kant. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Moskau : Nauka, 2006. Teilband II.1.

REFERENCES

1. Anderson, P. (2012). Metaphors of Spatial Location: Understanding Post-Kantian Space. *Contemporary Kantian Metaphysics. New Essays on Space and Time*. R. Baiasu, G. Bird, A. Moore (Eds.). (pp. 169–196). New York.
2. Antonio de Almeida, G. (2015). Kant and the Cognitive Function of Imagination. *Kant and the Metaphors of Reason*. P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra (Eds.). (pp. 11–26). Hildesheim: Georg Olms Verlag.
3. Brum Torres, J. C. (2015). «Stem» and «Source» as Metaphors of The Transcendental Doctrine of Elements. *Kant and the Metaphors of Reason*. P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra (Eds.). (pp. 41–58). Hildesheim: Georg Olms Verlag.
4. Costello, D. (2008). Danto and Kant, Together at Last? *New Waves in Aesthetics*. K. Stocks, K. Thomcon-Jones (Eds.). (pp. 244–266). London: Designs and Patents Act.

5. Cazeaux, C. (2007). *Metaphor and Continental Philosophy*. From Kant to Derrida. NY: Routledge.
6. Fenves, P. D. (1993). *Raising the Tone of Philosophy: Late Essays by Immanuel Kant, Transformative Critique by Jacques Derrida*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
7. Fistioc, M. (2002). *The Beautiful Shape of the Good: Platonic and Pythagorean Themes in Kant's Critique of the Power of Judgment*. NY; London: Routledge.
8. Johnson, M. (1981). *Philosophical Perspectives on Metaphor*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
9. Lorini, G. (2015). Kant's Metaphor by Analogy between Ontology and Transcendental Philosophy. *Kant and the Metaphors of Reason*. P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra (Eds.). (pp. 71–86). Hildesheim: Georg Olms Verlag.
10. Perez, D. O. (2015). The Possibility of an Anthropological Study of Human Nature in Kant. *Kant and the Metaphors of Reason*. P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra (Eds.). (pp. 445–454). Hildesheim: Georg Olms Verlag.
11. Poggi, D. (2015). Standing in front of the Ocean: Kant and the Danger of Knowledge *Kant and the Metaphors of Reason*. P. Kauark-Leite, G. Cecchinato, V. De Araujo Figueiredo, M. Ruffing, A. Serra (Eds.). (pp. 87–106). Hildesheim: Georg Olms Verlag.
12. Purdy, D. L. (2011). *On the Ruins of Babel: Architectural Metaphor in German Thought*. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press.
13. Rolf, G. (1987). The Lives of Kant. *Philosophy and Phenomenological Research*, 47, 485–500.
14. Senderowicz, Y. M. (2005). *The Coherence of Kant's Transcendental Idealism*. Dordrecht: Springer.
15. Trivedi, S. (2008). Metaphors and Musical Expressiveness. *New Waves in Aesthetics*. K. Stocks, K. Thomcon-Jones (Eds.). (pp. 41–57). London: Designs and Patents Act.
16. Kant, I. (2006). Kritika chistogo razuma [Criticism of Pure Mind]. In I. Kant. Kritika chistogo razuma [Criticism of Pure Mind]. Moskva: Eksmo.
17. Kant, I. (2006). Kritik der reinen Vernunft. In I. Kant. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Moskau: Nauka. Teilband II.1.

Єременко Олександр Михайлович

Доктор філософських наук, професор
Національний університет «Одеська
юридична академія»
65000, Одеса, Фонтанська дорога, 23

Email: alyeremenko@gmail.com

Yeremenko Oleksandr

Doctor of Philosophical sciences, Full Prof.
National University "Odessa Law Academy"
23, Fontans'ka doroga st., Odesa, 65000, Ukraine

ORCID: 0000-0002-2922-0643

Окороків Віктор Брониславович

Доктор філософських наук, професор
Дніпровський національний університет
ім. Олеся Гончара
49010, Дніпро, просп. Гагаріна, 72

Email: victor7754@i.ua

Okorokov Viktor

Doctor of Philosophical sciences, Full Prof.
Oles Honchar Dnipro National University
72, Gagarin Ave., Dnipro, 49010, Ukraine

ORCID: 0000-0001-8606-677X

Цитування: Єременко О. М., Окороков В. Б. Метафористика «критики чистого розуму». *Науково-теоретичний альманах «Грані»*. 2020. Т. 23, № 4. С. 118–131.

Citation: Yeremenko, O.M. & Okorokov, V.B. (2020). Metaforystyka «krytyky chystoho rozumu» [Metaphorics of "critique of pure reason"]. *Scientific and theoretical almanac «Grani»*, 23 (4), 118–131.

Стаття надійшла / Article arrived: 10.03.2020